

Садясь за статью о Робертино Лоретти, я, честно говоря, даже не подозревал, что она получит столь широкий резонанс. Вот уж поистине карузовской популярности достиг у нас этот так и не получивший признания у себя на родине певец. И хотя с момента опубликования в «Известиях» очерка «Чао, Робертино!» (см. 271-й номер за прошлый год) прошло довольно много времени, письма-отклики все еще продолжают приходить в редакцию.

Вот совместное письмо от семей Грабарских и Комаровых из далекого Коканда. «...Прочитали о судьбе гремевшего на весь мир, но, оказывается, неизвестного в самой Италии итальянского певца мальчика Робертино Лоретти. У нас есть предложение пригласить его в нашу страну, вылечить, сделать все возможное, чтобы он стал великим певцом и музыкантом, чтобы не погиб этот талантливый юноша».

«Нам кажется, что нет в мире голоса лучше, чем у Робертино», — пишут Лида и Ирина Р. из города Куйбышева. — Неужели талант Робертино полностью загубили его «добрые волшебники»? Напишите нам о нем, пожалуйста...»

А вот А. Я. Княжицкая из города Челябинска глубоко возмущена. «Зачем же понадобилось, — вопрошает она, — описывать (и где?.. в центральной газете!) с такой жестокостью, я бы сказала — злодательством, недостаток в голосе Робертино?»

Вот примерно в таких весьма различных тонах были написаны все те многочисленные письма, что получила редакция. Разве можно не отдать должное чуткости наших людей, так близко к сердцу принявших судьбу маленького итальянского певца! Можно понять и чувства А. Я. Княжицкой.

Но жизнь — штука диалектическая. Она не стоит на месте, а непрерывно движется вперед. Поэтому давайте отбросим в сторону эмоции и поговорим, что называется, трезво, дабы установить истину и разобраться в том, что волнует многочисленных почитателей Робертино Лоретти. При этом во избежание недоразумений будем исходить из того, что автор предыдущей и этой статьи — журналист, а не музыковед, что он за довольно длительное пребывание в Италии видел и слышал Робертино, как в начале его карьеры, так и в последующем, что он говорил о Робертино со многими специалистами в области пения и интересуется судьбой итальянского юноши и по сей день.

„ТОТ“ РОБЕРТИНО НЕ ВЕРНЕТСЯ

Леонид КОЛОСОВ

Рассказ свой я поведу не с начала и не с конца, а с факта, на первый взгляд незначительного. Еще в бытность мою корреспондентом «Известий» в Риме навещал я одного «барбьере» — парикмахера, что держал свое маленькое заведение на виа Томазини, небольшой римской улочке. Карло, так звали моего знакомого, «один в трех лицах»: и хозяин, и мастер, и уборщик одновременно. Был он знаменит тем, что однажды получил первую премию — золотые ножницы — за лучшую классическую мужскую прическу на международном конкурсе парикмахеров в Париже, а также и тем, что обладал сильным и красивым тенором. Поют в Италии очень многие, и неплохо поют. Такая уж эта певческая страна. Мне вспоминается, кстати, свидетельство популярного у нас в тридцатые годы солиста Большого театра, а ныне покойного, Сергея Петровича Юдина. Побывав в Италии, он, вернувшись в Москву, с восторгом рассказывал своим друзьям о римском каменщике, «который пел так, что его можно было сразу же брать солистом в Большой». Конечно, может быть, Сергей Петрович и преувеличивал. Но когда однажды Карло, пощелкав ножницами около моего уха, вдруг пропел «Риди, паяччо» — «Смейся, паяц», да так, что затрещали стеклянные висячулки у люстры на потолке, а у меня по спине забегали мурашки, я задал вполне естественный вопрос — почему он не поет на сцене.

— О сеньор, эти ножницы гораздо надежнее, чем мои голосовые связки. Кстати, мой голос из обычных. Он вам кажется сильным. Это потому, что здесь маленькое помещение. А попробуйте-ка спеть на оперной сцене, когда в яме сидит около сотни музыкантов, а рядом с тобой горластые партнеры, среди которых надо тоже не затеряться.

Тут-то я и спросил у Карло о Робертино.

— Робертино? О дотторе, я хорошо и очень давно знаком с этой семьей. У мальчишки был интересный голос. Но большим певцом он стать бы не мог. Не та сила. Впрочем, это Робертино и сам знает. Вы походите по церквям, послушайте, как поют там детские хоры. Какие попадают дисканты, диву даешься! Но что-то я не слышал за последние два десятка лет, чтобы в Италии родился новый Карузо. Конечно, Робертино повезло. Он неплохо воспользовался тем, что получил от матери-природы, особенно когда пел за границей. А сейчас он обычный «кантанте», каких много. У нас ведь трудно кого-нибудь удивить...

Я уже вижу саркастическую улыбку на устах моих оппонентов. Нашел, мол, авторитет! Но не спешите с выводами...

В большинстве своем итальянцы не только хорошие певцы, но и тонкие ценители пения. Недаром же в Италии существует стародавняя традиция: кто хочет утвердиться как настоящий певец-профессионал, должен обязательно спеть в оперном театре Пармы и получить одобрение галерки, где, как вы сами понимаете, сидят не музыкальные критики. Да, да, не миланская Ла Скала, а именно пармская опера дает начинающему певцу «вид на жительство» в итальянском искусстве. Через Парму, кстати, прошли и великий Карузо, и Джильи, и Тито Скипи, и Марио дель Монако, и многие, многие другие замечательные итальянские певцы, как ушедшие в историю, так и здравствующие ныне.

Робертино не был в Парме. Голосовые данные, которыми он обладал в детстве, вряд ли могли открыть ему дорогу на оперную сцену. Об этом мне говорил не только «барбьере» Карло, в чьем артистическом вкусе у меня нет никаких сомнений, но и крупнейшие итальянские оперные специалисты, среди которых такой признанный авторитет, как бессменный директор Ла Скала доктор Герингелли... Следовательно, и я обращаюсь к семьям Грабарских и Комаровых, к сестрам Р. и сотням других читателей, речь не идет ни о загубленном Карузо, ни о погибшем Джильи. Все значительно проще и сложнее.

В многодетной семье римского рабочего-штукатура Орландо Лоретти 22 года назад родился мальчик, который, как это часто случается в итальянских семьях, начал петь раньше, чем научился говорить. Природа подарила ему отличный слух, сильный и чистый дискант. Но для Италии это явление не сверхъестественное.

Я слышал десятки итальянских мальчишек и девчонок, которые на разных конкурсах, в кафе и просто на улицах пели не хуже, а иногда и лучше Робертино. Ведь недаром первый «антрепренер» маленького певца — датский музыкальный критик, а скорее делец от музыки Вольмер Соренсен поспешил увезти свою находку подальше от Италии. В своей стране Робертино не проходил. Он был бы всего лишь «одним из...». А на чужбине все «работало» на маленького итальянца: и бедность семьи, и возраст, и чистый дискант.

Конечно, и Соренсен, и другие «добрые волшебники», присоветавшие к Робертино, спешили выжить из своего «феномена» все. Они заставляли его петь и тогда, когда у Лоретти ломался голос и его нужно было оставить в покое. Волчий закон капиталистической «свободы предпринимательства» делал свое дело. Вместо серьезной учебы — бесконечные турне, вместо обязательных вокальных упражнений — два-три выступления в день. Голос Робертино начал тускнеть, как начал катиться вниз и его репертуар. Передо мной стопки пластинок с записями песен Робертино. Я привез их из Италии, потому что был и остаюсь почитателем Робертино. Нет, не сегодняшнего, а того, который остался лишь на черных дисках. «Соле мио», «Санта Лючия», «Нон ти скордар ди ме» («О, не забудь меня»), «Мамма». Ведь

с этих песен начинали и Карузо, и Джильи, и Тито Гобби... А вот более поздние: «Маленький поцелуйчик», «Если знаешь», «Рим, не будь дураком в этот вечер» и т. д. и т. п. — дешевые подделки нынешнего дискографического рынка.

А теперь немного пофилософствуем. Ведь ни Энрико Карузо, ни Бенямино Джильи не были аристократами и жили не при социализме с бесплатными консерваториями и музыкальными школами. Но они стали великими певцами, несмотря на жестокие житейские бури и сонмище окружавших их проходивцев и темных дельцов. Почему? Да потому, что они, обладая «божьем» даром, были еще и великими тружениками. Вряд ли нужно много говорить о том, что в искусстве новое и прекрасное рождается только в муках беспредельно тяжелого труда. Одного лишь таланта мало. А Робертино выбрал легкую дорогу.

Конечно, вина за это падает в основном на «добрых волшебников». Но Робертино — он ведь тоже не искал других путей. Поэтому он и стал тем, что он есть, — обычным неплохим эстрадным певцом.

А вы знаете, сколько в Италии эстрадных певцов? По последним данным, около ста тысяч. Они рождаются и умирают ежедневно, потому что с легкой руки «добрых волшебников», превративших искусство в выгодную отрасль капиталистической индустрии с применением новейших достижений техники, певец превратился в исполнителя, выбор которого в качестве очередной «звезды» определяется зачастую не наличием голоса, слуха и таланта, а цветом глаз или объемом бюста. Только истинные таланты, беззаветно преданные искусству, люди, одержимые чувством прекрасного, могут противостоять этой вакханалии музыкального разврата, где музы изгнаны безраздельно царящим золотым гельдом.

На этом я, собственно говоря, и хотел бы распрощаться с «робертиновской» темой. Мне не хотелось быть «злым волшебником» по отношению к Робертино. Робертино не умер. Он поет. Но не нужно никаких превосходных степеней и сравнений. Единственное, что ему можно пожелать, — это войти хотя бы в первые десятки стогривной армии итальянских эстрадных певцов, наводняющих ныне кино-театры, рестораны, кафе и просто итальянские улицы. «Тот» Робертино никогда не вернется. Он остался на пластинках как маленькое несвершившееся «чудо».